

Magnus Eisler

Не притворяйся:
Право на правду

Magnus Eisler

Не притворяйся: Право на правду

«Автор»

2026

Eisler M.

Не притворяйся: Право на правду / М. Eisler — «Автор», 2026

Можно ли простить ложь, если она была сказана из любви? Вика переезжает в Москву, чтобы начать новую жизнь. Вместе с ней — её страх, её прошлое и её парень Марк, который обещает быть рядом. Но в новом городе старые тайны настигают их быстрее, чем они успевают оглянуться. Кто такая Ева? Почему Марк скрывает её существование? И готова ли Вика услышать правду, даже если она разрушит всё, что они построили? «Не притворяйся: Право на правду» — это роман о доверии, которое проверяется не громкими ссорами, а тихими вопросами, которые мы боимся задать. О том, как любовь может быть одновременно спасением и ловушкой. И о том, что иногда, чтобы сохранить себя, нужно потерять всё.

© Eisler M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: НОВЫЙ ГОРОД, СТАРЫЕ СТРАХИ	5
ГЛАВА 2: ВСТРЕЧА, КОТОРУЮ ОНА НЕ ДОЛЖНА БЫЛА ВИДЕТЬ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Magnus Eisler

Не притворяйся: Право на правду

ГЛАВА 1: НОВЫЙ ГОРОД, СТАРЫЕ СТРАХИ

В Москве пахло бензином и пылью. Не так, как в Питере, где даже воздух казался влажным и тягучим, пропитанным историей и водой. Здесь всё было резче, быстрее, громче. Вика стояла у окна в своей новой комнате в общежитии журфака и смотрела, как внизу, на Садовом кольце, машины застыли в бесконечной пробке. Сигналы сливались в один сплошной гул, который не стихал даже ночью.

Она провела ладонью по холодному стеклу. Пальцы оставили разводы. За окном было серо — октябрь в Москве не баловал солнцем. Тяжёлые облака нависали над крышами, и казалось, что город давит, сжимает пространство, не оставляя места для тишины.

— Ну как тебе? — голос Алисы, её соседки по комнате, ворвался в мысли. — Не Питер, конечно, но жить можно.

Вика обернулась. Алиса сидела на кровати, поджав ноги, и листала ленту в телефоне. Она была из тех людей, которые всегда знают, что сказать, и никогда не сомневаются в своей правоте. Короткая стрижка, ярко-рыжие волосы, веснушки на носу — она казалась Вике слишком живой, слишком громкой для этого серого утра.

— Нормально, — ответила Вика. — Привыкну.

— Привыкнешь, — Алиса хмыкнула. — Ты вообще молчунья, да? Я уже заметила. Полина, вон, тоже тихая, но ты — это уровень «секта молчаливых».

Вика почти улыбнулась. Почти. За три дня, что она здесь, она успела понять: Алиса не злая. Она просто не умеет иначе. Её резкость — как защита, как броня, за которой прячется что-то, что она никому не показывает.

— Просто устала с дороги, — сказала Вика.

— Ага, — Алиса не поверила, но спорить не стала. — Ладно, я в столовую. Будешь?

— Потом.

Дверь захлопнулась, и Вика осталась одна. Она снова повернулась к окну. Внизу, на скамейке у входа, сидела Полина — высокая, худая, с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок. Она читала книгу, но Вика видела, что взгляд её рассеян. Полина тоже не вписывалась в этот город. Она приехала из Екатеринбурга, из семьи, где всё решал отец — бизнесмен с жёсткими правилами и стальными нервами. Полина ненавидела его, но боялась признаться в этом даже себе.

Вика вздохнула. Она знала, что такое бояться. Её страх был другим — липким, тягучим, он жил где-то в груди и сжимался в тугую узел каждый раз, когда она думала о Марке.

Он обещал приехать сегодня. Вечерним поездом.

Она не видела его три недели. Три недели, которые тянулись бесконечно, как жевательная резинка, прилипшая к подошве. Он звонил каждый вечер, но голос в трубке казался чужим — слишком бодрым, слишком спокойным. Она чувствовала, что он что-то не договаривает. Но спрашивать боялась. Потому что если он скажет правду, придётся что-то решать. А она не знала, готова ли.

В кармане завибрировал телефон. Вика вытащила его — сообщение от Марка.

«Вышел из поезда. Через час буду. Скучаю».

Она перечитала три раза. Потом убрала телефон в карман и вышла из комнаты.

В коридоре пахло капустой и дешёвым стиральным порошком. Стены были выкрашены в бледно-зелёный, пол скрипел под ногами. Общежитие напоминало ей больницу — стерильное,

безликое, чужое. Она спустилась по лестнице, прошла мимо вахтёрши, которая читала газету и не подняла головы.

На улице было холодно. Ветер задувал под куртку, и Вика поёжилась. Она села на скамейку рядом с Полиной.

— Привет, — сказала Полина, не отрываясь от книги.

— Привет. Что читаешь?

— Достоевского. «Идиот». Отец сказал, что это бесполезно, но я не слушаю.

Вика кивнула. Она знала, что такое, когда тебе говорят, что твой выбор — ошибка. Мать твердила ей это годами. «Ты никем не станешь, Вика. Ты как я — слабая, безвольная. Ты не выдержишь». Она сбежала от этих слов в Питер, но они догнали её и здесь.

— Твой парень приезжает? — спросила Полина.

— Да. Сегодня.

— Ты нервничаешь.

— С чего ты взяла?

— У тебя руки дрожат.

Вика посмотрела на свои ладони. Пальцы действительно подрагивали. Она сжала их в кулаки, спрятала в карманы куртки.

— Просто холодно, — сказала она.

Полина не ответила. Она закрыла книгу и посмотрела на Вику — долгим, изучающим взглядом. В её глазах было что-то, что заставило Вику отвернуться.

— Ты не обязана всё рассказывать, — тихо сказала Полина. — Но если захочешь — я рядом.

Вика почувствовала, как к горлу подкатил ком. Она не привыкла к такой заботе. В Питере у неё была Лена — подруга, которая знала всё. Но Лена осталась там, а здесь — чужие люди, чужие стены, чужая жизнь.

— Спасибо, — выдохнула она.

Полина кивнула и снова открыла книгу.

Время тянулось медленно. Вика смотрела на часы каждые пять минут. Стрелки ползли, как улитки. Она пыталась читать, но буквы расплывались перед глазами. В голове крутились одни и те же мысли: что он скажет? Как он выглядит? Изменился ли?

Она вспомнила их последнюю встречу в Питере. Он стоял на перроне, сжимая её руки, и говорил: «Я скоро приеду. Мы всё решим». Его глаза были тёмными, почти чёрными, и в них плескалась тревога. Она не спросила, что именно он собирается решать. Она боялась ответа.

Теперь она знала, что боялась не зря.

За две недели до отъезда она случайно увидела его телефон. Сообщение от незнакомого номера: «Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста». Он быстро убрал экран, но она успела заметить имя — «Ева». Она не спросила. Она притворилась, что ничего не видела. Но внутри что-то треснуло, как тонкий лёд под ногами.

Она думала об этом каждый день. Каждую ночь. Но молчала.

Потому что если спросить — придётся услышать правду. А правда могла разрушить всё, что они построили.

В кармане снова завибрировал телефон. На этот раз звонок.

— Я на месте, — голос Марка звучал устало, но тепло. — Где ты?

— У общежития. На скамейке.

— Я сейчас подойду.

Она встала. Сердце колотилось где-то в горле — нет, не так. Кровь стучала в висках, пульс отдавался в кончиках пальцев. Она сделала несколько шагов к воротам и увидела его.

Он шёл быстро, с сумкой через плечо, в чёрной куртке, которая была ему великовата. Волосы растрепались от ветра, под глазами — тени. Он выглядел уставшим, но когда увидел её, лицо осветилось улыбкой.

— Привет, — сказал он, подходя ближе.

— Привет.

Она не знала, что делать — обнять его или просто стоять. Он решил за неё. Шагнул вперёд, притянул к себе, уткнулся лицом в её волосы. Она почувствовала запах поезда — металла, пыли, чужого пота. И его запах — знакомый, родной, от которого внутри всё сжималось.

— Я скучал, — прошептал он.

— Я тоже.

Они стояли так несколько секунд. Потом он отстранился, посмотрел на неё.

— Ты похудела.

— Ты тоже.

— Я не спал в поезде. Всё думал о тебе.

Она хотела сказать: «Я тоже думала. О тебе и о той девушке, которую зовут Ева». Но вместо этого спросила:

— Как доехал?

— Нормально. Долго. Хочу есть.

Она почти рассмеялась. Он всегда хотел есть. Даже в самые напряжённые моменты.

— Пошли в столовую, — сказала она. — Там кормят отвратительно, но голодному сойдёт.

Он улыбнулся — той улыбкой, которая всегда заставляла её таять. И взял её за руку.

В столовой было шумно. Студенты толпились у раздачи, звенели тарелками, перекрикивались. Пахло жареной рыбой и хлебом. Вика взяла поднос и поставила перед Марком тарелку с картошкой и котлетой. Он посмотрел на еду с подозрением.

— Это съедобно?

— Относительно.

Он ковырнул котлету вилкой, попробовал. Поморщился, но продолжил есть.

— Рассказывай, — сказал он, жуя. — Как ты тут?

— Нормально. Комната маленькая, соседка громкая. Но я привыкну.

— Ты всегда привыкаешь.

— А ты нет?

Он замолчал. Опустил вилку, посмотрел на неё.

— Я не знаю, Вика. Я пытаюсь.

Она почувствовала, как внутри снова затягивается узел. Он что-то не договаривал. Она видела это по тому, как он отвёл взгляд, как сжал челюсть.

— Марк, — начала она, но он перебил.

— Давай не сейчас. Я устал. Давай просто посидим.

Она кивнула. Но внутри всё кипело.

После ужина они пошли гулять по территории. Тополя стояли голые, ветер гнал по асфальту сухие листья. Вика зябко куталась в куртку. Марк шёл рядом, засунув руки в карманы.

— Тут красиво, — сказал он, оглядываясь.

— Тут серо.

— Как и везде в октябре.

— В Питере было иначе.

— Питер — это Питер. А это Москва. Разные города.

— Ты поэтому уехал? Потому что хотел чего-то другого?

Он остановился. Повернулся к ней.

— Я уехал, потому что хотел быть с тобой.

— Ты уехал, потому что хотел сбежать.

Слова вырвались сами. Она не планировала их говорить. Но они повисли в воздухе, холодные и острые, как лезвие.

Марк побледнел. Его лицо стало жёстким.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь.

— Нет, Вика. Скажи.

Она смотрела на него и видела, как он напряжён. Как его руки сжались в кулаки в карманах. Как желваки заходили под кожей.

— Кто такая Ева?

Тишина. Ветер завыл между деревьями, и листья закружились в воздухе.

Марк опустил голову. Он молчал долго — так долго, что Вика подумала, он не ответит.

— Она... моя бывшая, — наконец сказал он. — Мы были вместе до тебя.

— И?

— И я помогал ей. Она попала в трудную ситуацию.

— Какую?

— Это не важно.

— Для меня важно.

Он поднял голову. В его глазах была боль — настоящая, глубокая, которую он пытался спрятать.

— Вика, пожалуйста. Не сейчас.

— Ты всегда говоришь «не сейчас». Когда будет «сейчас»?

Он не ответил. Он просто стоял и смотрел на неё, и в его взгляде было столько отчаяния, что у неё сжалось сердце.

— Я доверяю тебе, — сказала она тихо. — Но ты не даёшь мне повода.

— Я знаю, — прошептал он. — Прости.

Она хотела сказать что-то ещё, но в этот момент её телефон завибрировал. Сообщение от незнакомого номера.

«Вика, это Виталий. Я в Москве. Нам нужно поговорить. Это срочно».

Она замерла. Виталий. Брат Евы. Откуда он узнал её номер?

— Что там? — спросил Марк, заметив её лицо.

— Ничего, — она убрала телефон. — Спам.

Но он не поверил. Она видела это по его глазам.

Они вернулись в общежитие молча. Вика чувствовала, как между ними растёт стена — прозрачная, но прочная. Она не знала, как её разрушить. И боялась, что если попробует — стена рухнет и погребёт их обоих.

Вечером, когда Марк ушёл в гостиницу, она сидела на кровати и смотрела в потолок. Алиса уже спала, сопела в подушку. За окном шумел город — чужой, равнодушный, бесконечный.

Она взяла телефон. Открыла сообщение от Виталия. Прочитала ещё раз. Потом набрала ответ:

«Где и когда?»

Ответ пришёл через минуту:

«Завтра в 12. Кофейня на Тверской. Я буду ждать».

Она закрыла глаза. Внутри всё дрожало. Она знала, что завтрашняя встреча изменит всё. Но выбора не было.

Правда всегда догоняет. Рано или поздно.

Она повернулась на бок и попыталась уснуть. Но сон не приходил. В голове крутились слова Марка: «Я помогал ей». И голос матери: «Ты слабая, Вика. Ты не выдержишь».

Она сжала подушку и заставила себя дышать. Глубоко. Ровно.
Завтра она узнает правду. И тогда решит, что делать.

А пока — просто ждать.

Утро началось с дождя. Вода стучала по подоконнику, стекала по стеклу мутными ручьями. Вика встала рано, когда Алиса ещё спала. Умылась холодной водой, оделась, выпила кофе — горький, обжигающий.

Выходить не хотелось. Но она знала, что должна.

В кофейне на Тверской было тепло и пахло корицей. Вика села у окна, заказала капучино и стала ждать. Время тянулось медленно. Она смотрела на людей, которые проходили мимо — спешили, прятались под зонтами, говорили по телефонам. Все они казались частью другого мира, где не было тайн и страхов.

Дверь открылась, и вошёл Виталий. Он был выше, чем она помнила. Широкоплечий, с жёстким лицом и колючим взглядом. Он сел напротив, не поздоровавшись.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — сказал он.

— Догадываюсь.

— Ева в беде. Твой парень обещал ей помочь, но он врёт.

Вика почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Что ты имеешь в виду?

— Он сказал, что заберёт её, когда уедет. Но он уехал один. И теперь она одна. С проблемами, которые он помог создать.

— Какими проблемами?

Виталий посмотрел на неё — долго, пристально. Потом достал телефон, открыл фото и протянул ей.

На экране была Ева. Худая, бледная, с тёмными кругами под глазами. Она сидела на скамейке и смотрела в пустоту.

— Она наркоманка, — сказал Виталий. — Он знал. Он пытался её вытащить. Но когда понял, что не справляется — сбежал.

Вика смотрела на фото, и мир вокруг неё рушился. Она чувствовала, как опора уходит из-под ног, как пол становится зыбким.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила она тихо.

— Потому что ты должна знать. И потому что ты можешь на него повлиять.

— Я не могу.

— Можешь. Он тебя слушает. Я видел, как он на тебя смотрит.

Вика покачала головой. Она не знала, что делать. Внутри была пустота.

— Я подумаю, — сказала она.

— Думай быстро, — Виталий встал. — Время не ждёт.

Он ушёл, оставив её одну. Кофе остыл. Дождь за окном усилился.

Вика сидела и смотрела на фото Евы. И чувствовала, как правда — горькая, тяжёлая — ложится на плечи.

Она не знала, как скажет Марку, что знает. И скажет ли вообще.

Но одно она знала точно: мир, который она строила, рушится. И нужно решать, что делать с обломками.

ГЛАВА 2: ВСТРЕЧА, КОТОРУЮ ОНА НЕ ДОЛЖНА БЫЛА ВИДЕТЬ

Дождь не прекращался. Он лил с утра, превратив Москву в серое месиво из мокрого асфальта, грязных луж и спешащих людей, которые прятались под зонтами, как улитки в раковины. Вика стояла у окна в комнате общежития и смотрела, как капли стекают по стеклу, оставляя прозрачные дорожки. Внизу, на скамейке, никто не сидел — даже Полина, которая обычно читала там в любую погоду, спряталась внутри.

Алиса уже ушла на пары, бросив на прощание: «Не кисни. Мужики — они как трамваи: уехал один, придет другой». Вика не ответила. Она думала о вчерашнем вечере, о Марке, о его лице, когда она спросила про Еву. О том, как он опустил голову и молчал. И о сообщении от Виталия, которое горело в телефоне, как незаживающая рана.

Она не спала всю ночь. Ворочалась, смотрела в потолок, слушала, как Алиса сопит во сне. Мысли путались, цеплялись одна за другую, как паутина. Она пыталась представить, что скажет Марку при встрече. Но каждый раз картинка рассыпалась, оставляя только пустоту и страх.

В кармане завибрировал телефон. Вика вытащила его — сообщение от Марка: «Я в городе. Можем встретиться в обед? Я хочу тебе кое-что показать».

Она перечитала три раза. «Кое-что показать». Что именно? Ещё одну тайну? Ещё одну ложь? Пальцы дрожали, когда она набирала ответ: «Давай в два. У памятника Пушкину».

Она отправила и сразу пожалела. Зачем она согласилась? Зачем она вообще продолжает эту игру, в которой он всегда знает правила, а она — нет? Но внутри, где-то глубоко, теплилась надежда: может быть, он решил сказать правду. Может быть, сегодня всё изменится.

Она оделась медленно, словно оттягивая момент. Натянула джинсы, свитер, куртку. Взяла зонт, но на улице поняла, что ветер слишком сильный — зонт вывернуло наизнанку, и она спрятала его в рюкзак. Вода стекала по лицу, смешиваясь с потом, и Вика чувствовала, как холод пробирается под одежду.

До памятника Пушкину она добралась за полчаса. Метро было забито, люди толкались, пахло мокрой одеждой и металлом. Она стояла в вагоне, держась за поручень, и смотрела на своё отражение в тёмном стекле. Лицо было бледным, под глазами залегли тени. Она выглядела так, будто не спала неделю.

На Тверской былолюдно. Несмотря на дождь, туристы и местные заполняли улицу, прячась под козырьками магазинов и кафе. Вика дошла до памятника и встала под навесом, ожидая. Время тянулось медленно. Она смотрела на часы каждые две минуты. Стрелки ползли, как в замедленной съёмке.

Марк появился через десять минут. Он шёл быстро, без зонта, куртка насквозь промокла, волосы прилипли ко лбу. Он выглядел взволнованным, но когда увидел её, улыбнулся — той улыбкой, которая всегда заставляла её сердце биться быстрее.

— Привет, — сказал он, подходя ближе. — Извини, опоздал. Пробки.

— Ничего, — ответила она. — Ты промок.

— Я не заметил. Думал о тебе.

Он взял её за руку, и она почувствовала, как его пальцы холодные и мокрые. Она хотела отдернуть руку, но не стала. Внутри боролись два чувства: желание прижаться к нему и спрятаться от всего мира, и желание вырваться, убежать, чтобы не слышать того, что он скажет.

— Куда мы идём? — спросила она.

— Есть одно место. Я хочу тебе показать.

Они пошли по Тверской, свернули в переулок, потом ещё раз. Вика не спрашивала, куда. Она просто шла, чувствуя, как дождь стекает по лицу, как ветер треплет волосы. Город казался чужим, враждебным, но рядом с ним — чуть менее страшным.

Они остановились у старого здания с облупившейся штукатуркой. На первом этаже была кофейня — маленькая, уютная, с жёлтым светом в окнах. Марк открыл дверь, и Вика вошла внутрь.

Внутри пахло кофе и корицей. Играла тихая музыка — что-то джазовое, спокойное. За стойкой стоял бармен — молодой парень с татуировками на руках, который кивнул Марку, как старому знакомому.

— Привет, — сказал Марк. — Стол свободен?

— Да, проходите.

Они сели у окна. Вика сняла куртку, повесила на спинку стула. Марк заказал два капучино, и они остались одни.

— Зачем мы здесь? — спросила Вика.

Марк помолчал. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что она не могла прочитать — смесь боли, решимости и страха.

— Я хочу тебе кое-что рассказать, — начал он. — Всю правду. Без утайки.

Вика почувствовала, как внутри всё сжалось. Она ждала этого момента, но теперь, когда он настал, ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Я слушаю, — сказала она тихо.

Он вздохнул. Провёл рукой по лицу, словно собираясь с силами.

— Ева — это моя бывшая девушка. Мы были вместе два года. Это было... тяжело. Она пила, потом начала принимать наркотики. Я пытался ей помочь, но она не хотела. Или не могла. Я не знаю.

Он замолчал. Вика смотрела на него, не отрываясь. Его голос дрожал, пальцы сжимали чашку так, что побелели костяшки.

— Я ушёл от неё, когда понял, что не могу её спасти. Это было трусостью, я знаю. Но я боялся, что она утащит меня за собой.

— И ты уехал в Питер, — сказала Вика.

— Да. Я думал, что начал новую жизнь. Встретил тебя. И всё было хорошо. Но потом она нашла меня. Написала, что ей нужна помощь. Что она готова лечиться.

— И ты помог ей?

— Да. Я давал ей деньги. Встречался с ней. Пытался убедить её пойти в клинику.

— Почему ты не сказал мне?

Марк опустил голову. Его плечи напряглись, голос стал тише.

— Я боялся, что ты уйдёшь. Что ты подумаешь, что я всё ещё люблю её. Или что я слабый, раз не могу справиться с этим один.

Вика молчала. Внутри неё бушевал ураган. Злость, обида, боль — всё смешалось в один комок, который застрял в горле.

— Ты не дал мне выбора, — сказала она наконец. — Ты решил за меня.

— Я знаю. И я прошу прощения.

— Прощения недостаточно.

Он поднял голову. В его глазах блестели слёзы, но он не плакал. Он просто смотрел на неё, и в этом взгляде было столько отчаяния, что у неё сжалось сердце.

— Я знаю, — сказал он. — Но я не знаю, что ещё сделать.

Она хотела сказать: «Ты мог бы довериться мне. Ты мог бы сказать правду с самого начала». Но вместо этого спросила:

— Где она сейчас?

— В Москве. Она живёт у брата.

— Виталия.

Марк удивлённо посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Он написал мне. Вчера.

Лицо Марка побледнело. Он сжал челюсть, желваки заходили под кожей.

— Что он тебе сказал?

— Что ты обещал забрать Еву, но уехал один.

— Это не так, — резко сказал он. — Я предлагал ей уехать со мной. Она отказалась. Сказала, что не хочет быть обузой.

— Но ты всё равно помогал ей.

— Да. Потому что я чувствовал себя виноватым.

Вика посмотрела на него. В его глазах была боль — настоящая, глубокая, которую он пытался спрятать за словами.

— Ты всё ещё любишь её? — спросила она тихо.

Марк покачал головой.

— Нет. Я не люблю её. Но я не могу просто бросить её. Это было бы подло.

— А врать мне — не подло?

Он замолчал. В кофейне играла музыка, кто-то смеялся за соседним столиком, но Вика ничего не слышала. Она смотрела на него и чувствовала, как между ними растёт пропасть.

— Я не знаю, что сказать, — прошептал он.

— Тогда не говори ничего.

Она встала. Надела куртку. Он тоже встал, протянул руку, чтобы остановить её, но она отшатнулась.

— Не надо, — сказала она. — Мне нужно подумать.

— Вика, пожалуйста...

— Я сказала, не надо.

Она вышла из кофейни и пошла по улице, не разбирая дороги. Дождь хлестал по лицу, но она не чувствовала холода. Внутри была пустота. Она шла быстро, почти бежала, словно пыталась убежать от себя.

Она не знала, сколько прошла времени. Очнулась только когда оказалась у метро. Села на скамейку, спряталась под навесом. Телефон завибрировал — сообщение от Марка: «Пожалуйста, ответь. Я не могу потерять тебя».

Она посмотрела на экран и убрала телефон в карман.

Она не знала, что делать. Внутри неё боролись два голоса. Один говорил: «Он врал тебе. Он не заслуживает доверия». Другой: «Он пытался помочь. Он боялся. Он не идеален, но он старается».

Она закрыла глаза и прислонилась головой к стене. В голове крутились слова матери: «Ты слабая, Вика. Ты всегда выбираешь не тех». Может быть, мать была права.

Но потом она вспомнила, как Марк смотрел на неё в кофейне. Как его голос дрожал, когда он говорил о Еве. Как он сжимал чашку, чтобы не разрыдаться.

Он не был идеальным. Он был запутанным, напуганным, слабым. Но он пытался.

И, может быть, это стоило того, чтобы дать ему ещё один шанс.

Она вытащила телефон и набрала его номер.

— Алло? — его голос был хриплым, напряжённым.

— Я не знаю, что делать, — сказала она. — Но я не хочу терять тебя.

— Ты не потеряешь. Я обещаю.

— Обещания ничего не значат.

— Тогда я докажу.

Она молчала. Слушала, как он дышит. Как дождь стучит по крыше.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Докажи.

Он выдохнул — с облегчением, с надеждой.

— Я приеду к тебе сегодня вечером. Мы поговорим. Всё расскажу.

— Ладно.

Она отключилась и убрала телефон. Встала, поправила куртку. Дождь почти прекратился, и сквозь тучи пробивалось солнце — слабое, но всё же светлое.

Она пошла к метро, чувствуя, как внутри медленно разжимается тугий узел. Впереди был долгий разговор, слёзы, возможно, ссоры. Но она была готова.

Потому что правда — даже горькая — лучше лжи. И она хотела знать её, какой бы она ни была.

Вечером Марк приехал к общежитию. Он стоял у ворот, сжимая в руках букет белых роз — её любимых. Вика вышла, и он протянул ей цветы.

— Это не извинение, — сказал он. — Просто... я хотел сделать тебе приятно.

Она взяла букет. Понюхала. Розы пахли сладко, но этот запах смешивался с запахом дождя и сырой земли.

— Спасибо, — сказала она.

Они пошли в парк, который был рядом с общежитием. Скамейки были мокрыми, но они нашли одну, под деревом, где листва немного защищала от воды. Сели рядом. Вика положила цветы на колени.

— Я расскажу тебе всё, — начал Марк. — С самого начала.

И он рассказал. Как встретил Еву, как они были счастливы первые полгода. Как потом она начала пить, как он пытался её спасти. Как она попала в плохую компанию, как начались наркотики. Как он ушёл, потому что понял, что не может её вытащить. Как она нашла его в Питере, как он помогал ей тайно, потому что боялся, что Вика не поймёт.

— Я был трусом, — сказал он в конце. — Я боялся, что ты уйдёшь, и поэтому врал. Но я больше не хочу врать.

Вика слушала молча. Внутри неё всё кипело, но она старалась держаться.

— Ты должен был сказать мне с самого начала, — сказала она. — Я бы поняла.

— Я знаю. Но я боялся.

— Страх — не оправдание.

— Я знаю.

Она посмотрела на него. В темноте его лицо казалось бледным, глаза блестели.

— Что ты будешь делать с Евой? — спросила она.

— Я хочу помочь ей лечь в клинику. У меня есть деньги. Я уже нашёл место.

— Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Ты пойдёшь?

— Если ты хочешь, чтобы я была рядом.

Он взял её за руку. Его пальцы были тёплыми, несмотря на холод.

— Я хочу, — сказал он. — Очень.

Она кивнула. Внутри неё всё ещё было больно, но эта боль смешивалась с чем-то другим — с надеждой, с верой, что они смогут пройти через это вместе.

Они сидели в парке, пока не стемнело. Говорили о пустяках, смеялись, молчали. Когда они прощались у ворот общежития, Марк поцеловал её в лоб.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что дала мне шанс.

— Не подведи меня, — ответила она.

— Не подведу.

Она вошла в общежитие, поднялась в комнату. Алиса уже спала. Вика разделась, легла на кровать и долго смотрела в потолок.

Завтра они встретятся с Евой. Завтра она увидит ту, из-за которой чуть не потеряла Марка. И она не знала, что чувствовать — страх, злость или жалость.

Но одно она знала точно: она не сдастся. Она будет бороться за свои отношения, за свою правду, за своё право на счастье.

Даже если для этого придётся пройти через ад.

Она закрыла глаза и провалилась в сон — глубокий, без сновидений, как будто кто-то выключил свет.

Утро встретило её серым небом и запахом кофе. Алиса уже встала и гремела чашками.

— Просыпайся, соня, — сказала она. — У тебя сегодня важный день.

Вика села на кровати. Голова гудела, но внутри было спокойно.

— Откуда ты знаешь?

— Ты говорила во сне. «Я не сдамся». Всё повторяла.

Вика улыбнулась. Встала, подошла к окну. Дождь кончился, и небо прояснилось.

— Я и не собиралась, — сказала она.

Она оделась, выпила кофе и вышла на улицу. Марк уже ждал её у ворот.

— Готова? — спросил он.

— Готова.

Они пошли к метро, чтобы встретиться с Евой. Вика чувствовала, как внутри всё сжимается, но она шла вперёд.

Потому что правда — это единственное, что делает нас свободными.

И она была готова принять её, какой бы горькой она ни была.

ГЛАВА 3: ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Утро после встречи с Евой не наступило — оно вползло в комнату серым, тягучим светом, который просачивался сквозь щели в шторах, ложился на пол бледными полосами. Вика лежала на кровати, глядя в потолок, и чувствовала, как каждый звук — тиканье часов, дыхание Алисы, шум воды в трубах — отдаётся в висках глухой болью. Она не спала. Она просто лежала, перебирая в голове слова Евы, её голос, её глаза — тёмные, с жёлтым оттенком, как у человека, который слишком долго не видел солнца.

Вчерашний день рассыпался на фрагменты, которые никак не складывались в целую картину. Парк, скамейка, мокрые листья под ногами. Ева сидела напротив, кутаясь в слишком лёгкую куртку, и говорила спокойно, без истерики, будто рассказывала не свою жизнь, а чужую историю, которую выучила наизусть. Она не обвиняла Марка. Она говорила: «Он просто испугался». И от этого было ещё больнее.

Вика перевернулась на бок. Простыня сбилась, пахла чужим порошком — дешёвым, химическим, каким пахнет всё в общежитии. Она зажмурилась, пытаясь выдавить из себя образ Марка, но он не уходил. Его лицо, когда она сказала: «Я знаю всё про Еву». Его руки, которые дрожали, когда он пытался что-то объяснить. Его голос — сдавленный, чужой.

— Ты не спишь? — голос Алисы ворвался в тишину, как нож.

Вика открыла глаза. Алиса сидела на своей кровати, поджав ноги, и смотрела на неё с выражением, которое трудно было прочесть — смесь любопытства и сочувствия.

— Нет, — ответила Вика. Голос сел, пришлось откашляться.

— Ты вчера пришла поздно. Я слышала, как ты плакала.

— Я не плакала.

— Ладно, — Алиса не стала спорить. Она встала, подошла к окну и отдернула штору.

Свет хлынул в комнату, жёлтый, болезненный, как старый бинт. — Там твой стоит. У ворот.

Вика села. Сердце забило быстрее, хотя она приказывала себе не реагировать.

— Марк?

— А кто ещё? — Алиса хмыкнула. — Стоит, смотрит на окна. Как пёс, который ждёт, когда его пустят домой.

— Он не пёс.

— Я знаю. Но выглядит жалко.

Вика встала, натянула джинсы, свитер. Волосы спутались, пришлось провести рукой, чтобы хоть немного пригладить. Она не хотела, чтобы он видел её такой — разбитой, с красными глазами, с лицом, на котором написано всё, что она пыталась спрятать.

— Ты будешь с ним говорить? — спросила Алиса.

— Да.

— Тогда иди. Не заставляй его ждать.

Вика вышла в коридор. Пол под ногами скрипел — старый, деревянный, покрытый слоем краски, которая облупилась и теперь напоминала карту материка, разорванного на части. Она спустилась по лестнице, толкнула тяжёлую дверь и вышла на улицу.

Воздух был холодным, но не таким, как вчера. Ветер стих, и небо, хоть и серое, казалось выше, светлее. Марк стоял у ворот, засунув руки в карманы куртки. Он выглядел так, будто не спал всю ночь — под глазами залегли тени, щёки впали, волосы торчали в разные стороны. Когда он увидел её, лицо его дрогнуло — смесь облегчения и страха.

— Привет, — сказал он тихо.

— Привет.

Она подошла ближе, но не коснулась его. Остановилась на расстоянии вытянутой руки, глядя ему в глаза.

— Ты не ответила на мои сообщения, — сказал он. — Я волновался.

— Я не хотела говорить в сообщениях.

— Я понимаю.

Он сделал шаг вперёд, но она отступила. Он замер, и в его глазах мелькнула боль.

— Вика, пожалуйста... — начал он.

— Я не злюсь, — перебила она. — Я просто... я не знаю, что чувствовать.

— Я могу объяснить.

— Ты уже объяснял. Вчера. В кофейне.

— Я не всё рассказал.

Она посмотрела на него. В его голосе было что-то, что заставило её внутренности сжаться — не злость, не страх, а что-то другое, похожее на отчаяние.

— Что ещё? — спросила она.

— Не здесь. Давай сядем где-нибудь.

Они пошли в парк, где вчера сидели с Евой. Скамейка была сухой — ветер сдул остатки дождя. Они сели, но не рядом, а на расстоянии, будто между ними уже выросла невидимая стена.

Марк молчал. Он смотрел на свои руки, сжимал и разжимал пальцы, будто собирался с силами.

— Я обещал ей, что заберу её, — сказал он наконец. Голос его был глухим, почти безжизненным. — Когда мы уезжали из её города. Я сказал: «Я не брошу тебя. Мы начнём всё сначала». Но она не захотела. Сказала, что не поедет, пока не станет чистой. Что не хочет быть для меня обузой.

— И ты уехал один.

— Да. Я думал, что так будет лучше. Что она сможет справиться сама. Но она не смогла.

Он поднял голову, и Вика увидела в его глазах слёзы, которые он пытался сдержать.

— Я знаю, что это звучит как оправдание. Но я не знал, что делать. Я боялся, что если останусь, то утону вместе с ней. А если уеду — то предам.

— Ты предал её, — сказала Вика тихо.

— Да.

— И ты предал меня, когда не сказал правду.

— Да.

Он не спорил. Он просто сидел и смотрел на неё, и в этом взгляде было столько боли, что у неё сжалось сердце.

— Я не знаю, что делать, — сказала она. — Я хочу тебе верить. Но каждый раз, когда я думаю, что знаю всю правду, ты находишь способ сказать что-то новое.

— Больше не будет ничего нового. Я рассказал всё.

— Ты так говорил и в прошлый раз.

Он замолчал. В парке было тихо — только ветер шелестел листьями, да где-то вдалеке лаяла собака.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он.

— Я хочу, чтобы ты перестал врать. Даже в мелочах. Даже когда тебе кажется, что это во благо.

— Я постараюсь.

— Не постарайся. Сделаешь.

Он кивнул. Медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом.

— Хорошо.

Они сидели молча. Вика смотрела на деревья, на голые ветки, которые тянулись к небу, как руки. Она думала о том, что сказала ей Ева: «Он хороший человек. Он просто запутался». И о том, что сказал Марк: «Я боялся, что ты уйдёшь». И о том, что чувствовала сама — смесь злости, обиды и странной, почти болезненной нежности.

— Я пойду с тобой к Еве, — сказала она наконец. — Сегодня.

Марк удивлённо посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Нет. Но я хочу увидеть её. Поговорить с ней.

— Она не захочет.

— Тогда я поговорю с её братом.

Он вздохнул. Провёл рукой по лицу, будто пытаясь стереть усталость.

— Хорошо. Я позвоню Виталию.

— Не надо. Я сама.

Она встала. Марк тоже поднялся, но не сделал шага к ней.

— Вика... — начал он.

— Не надо, — перебила она. — Не говори ничего. Просто будь рядом. Если сможешь.

— Я смогу.

Она кивнула и пошла к выходу из парка. Он пошёл следом, на расстоянии, не пытаясь догнать.

Весь день она провела в комнате, глядя в потолок. Алиса ушла на пары, и Вика осталась одна. Она пыталась читать, но буквы расплывались, слова не складывались в предложения. Она пыталась писать, но пальцы замирали над клавиатурой, не находя нужных слов.

В четыре часа она набрала номер, который дала ей Ева. Трубку взял Виталий.

— Слушаю, — его голос был грубым, настороженным.

— Это Вика. Мы можем встретиться?

— Зачем?

— Я хочу поговорить. О Еве. О Марке.

Пауза. Она слышала, как он дышит — тяжело, прерывисто.

— Хорошо, — сказал он наконец. — В шесть. У метро «Динамо».

— Я буду.

Она отключилась и посмотрела на телефон. Экран погас, и в тёмном стекле она увидела своё отражение — бледное, с тёмными кругами под глазами. Она выглядела так, будто постарела на десять лет за одну ночь.

В шесть она стояла у выхода из метро. Народ толкался, спешил по своим делам, но она стояла неподвижно, вглядываясь в лица. Виталий появился через пять минут — высокий, широкоплечий, в чёрной куртке, с лицом, которое не выражало ничего, кроме усталости.

— Пошли, — сказал он и повернулся, не дожидаясь ответа.

Они прошли несколько кварталов, свернули в переулок и остановились у старого дома с облупившейся штукатуркой. Виталий открыл дверь, и они поднялись на третий этаж. В квартире пахло сыростью и табаком. В прихожей было темно, только из кухни пробивался жёлтый свет.

— Ева спит, — сказал Виталий. — Не буди.

Он прошёл на кухню, сел за стол. Вика села напротив. На столе стояла пепельница, полная окурков, и чашка с остывшим чаем.

— Зачем ты пришла? — спросил он.

— Я хочу понять.

— Что понять?

— Всю историю. Не только то, что рассказал Марк.

Виталий усмехнулся. Криво, без веселья.

— Марк рассказал тебе только то, что хотел, чтобы ты знала.

— Я знаю. Поэтому я здесь.

Он посмотрел на неё. В его глазах было что-то — не злость, не презрение, а усталость. Такая глубокая, что казалась частью его лица.

— Они были вместе два года, — начал он. — Она любила его. А он... он не знал, чего хочет. То бежал спасать её, то исчезал на недели. Она пила из-за него. Она начала колотиться из-за него.

— Это не его вина.

— А чья? — Виталий повысил голос. — Она была нормальной, пока не встретила его. У неё была работа, были друзья. А потом он появился, и всё пошло прахом.

— Ты не можешь винить его во всём.

— Могу. И буду.

Он замолчал. Взял сигарету, закурил. Дым поплыл по кухне, серый, тягучий.

— Я не говорю, что он плохой человек, — сказал он тише. — Но он слабый. Он бежит, когда становится трудно.

— Он не убежал от меня.

— Пока нет.

Вика почувствовала, как внутри всё сжалось. Она хотела возразить, сказать, что Марк изменился, что он не такой, но слова застряли в горле.

— Что ты хочешь от меня? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты заставила его помочь ей. По-настоящему. Не деньгами, а временем. Он должен быть рядом, когда она ляжет в клинику.

— Я поговорю с ним.

— Поговори. Иначе я сам с ним поговорю. По-своему.

Угроза прозвучала тихо, но Вика почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Я поняла, — сказала она.

Она встала. Виталий не поднялся, только кивнул в сторону двери.

— Иди. И запомни: если он снова сбежит, я найду его. Даже если ты будешь рядом.

Она вышла из квартиры, спустилась по лестнице. На улице было темно, фонари горели тусклым жёлтым светом. Она шла быстро, не разбирая дороги, и только когда оказалась у метро, остановилась.

Телефон завибрировал. Сообщение от Марка: «Всё в порядке?»

Она посмотрела на экран. Пальцы замерли над клавиатурой. Она хотела написать: «Да, всё хорошо», но вместо этого набрала: «Нет. Но мы справимся».

Она отправила сообщение и вошла в метро.

В вагоне было душно, пахло потом и металлом. Вика стояла, держась за поручень, и смотрела на своё отражение в тёмном стекле. Она думала о том, что сказал Виталий: «Он бежит, когда становится трудно». И о том, что сказала Ева: «Он просто испугался». И о том, что чувствовала сама — страх, что они правы, и надежду, что они ошибаются.

Она вышла на своей станции и пошла к общежитию. В кармане завибрировал телефон — снова Марк.

— Алло? — её голос звучал устало.

— Ты где? — спросил он.

— Иду домой.

— Я могу приехать?

— Не сегодня. Мне нужно подумать.

— Вика...

— Завтра. Встретимся завтра.

Она отключилась и убрала телефон. Впереди горели огни общежития, жёлтые, тёплые, но они не согревали.

Она вошла в подъезд, поднялась по лестнице. В комнате было темно — Алиса ещё не вернулась. Вика разделась, легла на кровать и уставилась в потолок.

Она думала о том, что сказал Виталий: «Он бежит, когда становится трудно». И о том, как Марк смотрел на неё сегодня утром — с болью, с надеждой, с отчаянием. Она думала о Еве, которая спала в старой квартире, о её брате, который ненавидел Марка, но всё равно просил о помощи.

Мир был сложным. В нём не было чёрного и белого, только оттенки серого. И Вика чувствовала, как этот серый цвет заполняет её, проникает в каждую клетку, оставляя после себя только усталость.

Она закрыла глаза и провалилась в сон — тяжёлый, без сновидений, как будто кто-то выключил свет.

Утро встретило её звонком будильника. Вика открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится. Потом вспомнила — Москва, общежитие, Марк, Ева, Виталий. Всё вернулось, как волна, накрыла с головой.

Она села на кровати. Голова гудела, но внутри было странное спокойствие — как после бури, когда ветер стихает и остаётся только тишина.

Она оделась, выпила кофе и вышла на улицу. Марк уже ждал её у ворот.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Они пошли в парк, сели на ту же скамейку. Утро было холодным, но солнечным — лучи пробивались сквозь ветки, ложились на землю золотыми пятнами.

— Я говорил с Виталием, — сказал Марк. — Он сказал, что ты приходила.

— Да.

— Зачем?

— Я хотела понять.

— И что ты поняла?

Она посмотрела на него. В его глазах был страх — страх, что она уйдёт, что она не выдержит, что он снова останется один.

— Я поняла, что ты не идеален, — сказала она. — Что ты совершал ошибки. Что ты боялся. Но я также поняла, что ты пытаешься.

— Этого достаточно?

— Пока да.

Он взял её за руку. Его пальцы были холодными, но она не отдёрнула.

— Я не подведу тебя, — сказал он.

— Я знаю.

Они сидели молча, глядя на деревья, на небо, на прохожих, которые спешили по своим делам. Вика чувствовала, как внутри медленно разжимается тугий узел — не до конца, но достаточно, чтобы дышать стало легче.

— Сегодня я поеду с тобой к Еве, — сказала она.

— Ты уверена?

— Да. Я хочу быть рядом.

Он сжал её руку. В его глазах блеснули слёзы, но он не плакал.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— Не за что.

Они встали и пошли к метро. Впереди был долгий день, разговоры, слёзы, возможно, ссоры. Но Вика знала одно: она не сдастся. Она будет бороться за свои отношения, за свою правду, за своё право на счастье.

Даже если для этого придётся пройти через ад.

Она сжала его руку и шагнула вперёд.

ГЛАВА 4: ПИСЬМО ОТЦА

Утро после разговора с Виталием не принесло облегчения. Оно пришло серым, тягучим, с запахом сырости, который просачивался сквозь щели в старых рамах. Вика лежала на кровати, глядя в потолок, и чувствовала, как каждый звук — дыхание Алисы, шум воды в трубах, отдалённый гул машин — отдаётся в висках глухой болью.

Она не спала. Она просто лежала, перебирая в голове слова Виталия: «Он бежит, когда становится трудно». И слова Евы: «Он просто испугался». И слова Марка: «Я не подведу тебя».

Где правда? Где ложь? Где то, во что можно верить?

Она перевернулась на бок. Простыня сбилась, пахла чужим порошком — дешёвым, химическим. В комнате было душно, хотя окно было приоткрыто. Воздух застыл, как желе, и каждый вдох давался с трудом.

— Ты не спишь? — голос Алисы ворвался в тишину, как нож.

Вика открыла глаза. Алиса сидела на своей кровати, поджав ноги, и смотрела на неё с выражением, которое трудно было прочитать — смесь любопытства и сочувствия.

— Нет, — ответила Вика. Голос сел, пришлось откашляться.

— Ты вчера пришла поздно. Я слышала, как ты ходила.

— Я не ходила. Я лежала.

— Ладно, — Алиса не стала спорить. Она встала, подошла к окну и отдёрнула штору. Свет хлынул в комнату, жёлтый, болезненный, как старый бинт. — Там твой стоит. У ворот.

Вика села. Сердце забило быстрее, хотя она приказывала себе не реагировать.

— Марк?

— А кто ещё? — Алиса хмыкнула. — Стоит, смотрит на окна. Как пёс, который ждёт, когда его пустят домой.

— Он не пёс.

— Я знаю. Но выглядит жалко.

Вика встала, натянула джинсы, свитер. Волосы спутались, пришлось провести рукой, чтобы хоть немного пригладить. Она не хотела, чтобы он видел её такой — разбитой, с красными глазами, с лицом, на котором написано всё, что она пыталась спрятать.

— Ты будешь с ним говорить? — спросила Алиса.

— Да.

— Тогда иди. Не заставляй его ждать.

Вика вышла в коридор. Пол под ногами скрипел — старый, деревянный, покрытый слоем краски, которая облупилась и теперь напоминала карту материка, разорванного на части. Она спустилась по лестнице, толкнула тяжёлую дверь и вышла на улицу.

Воздух был холодным, но не таким, как вчера. Ветер стих, и небо, хоть и серое, казалось выше, светлее. Марк стоял у ворот, засунув руки в карманы куртки. Он выглядел так, будто не спал всю ночь — под глазами залегли тени, щёки впали, волосы торчали в разные стороны. Когда он увидел её, лицо его дрогнуло — смесь облегчения и страха.

— Привет, — сказал он тихо.

— Привет.

Она подошла ближе, но не коснулась его. Остановилась на расстоянии вытянутой руки, глядя ему в глаза.

— Ты не ответила на мои сообщения, — сказал он. — Я волновался.

— Я не хотела говорить в сообщениях.

— Я понимаю.

Он сделал шаг вперёд, но она отступила. Он замер, и в его глазах мелькнула боль.

— Вика, пожалуйста... — начал он.

— Я не злюсь, — перебила она. — Я просто... я не знаю, что чувствовать.

— Я могу объяснить.

— Ты уже объяснял. Вчера. В парке.

— Я не всё рассказал.

Она посмотрела на него. В его голосе было что-то, что заставило её внутренности сжаться — не злость, не страх, а что-то другое, похожее на отчаяние.

— Что ещё? — спросила она.

— Не здесь. Давай сядем где-нибудь.

Они пошли в парк, где вчера сидели с Евой. Скамейка была сухой — ветер сдул остатки дождя. Они сели, но не рядом, а на расстоянии, будто между ними уже выросла невидимая стена.

Марк молчал. Он смотрел на свои руки, сжимал и разжимал пальцы, будто собирался с силами.

— Я обещал ей, что заберу её, — сказал он наконец. Голос его был глухим, почти безжизненным. — Когда мы уезжали из её города. Я сказал: «Я не брошу тебя. Мы начнём всё сначала». Но она не захотела. Сказала, что не поедет, пока не станет чистой. Что не хочет быть для меня обузой.

— И ты уехал один.

— Да. Я думал, что так будет лучше. Что она сможет справиться сама. Но она не смогла.

Он поднял голову, и Вика увидела в его глазах слёзы, которые он пытался сдержать.

— Я знаю, что это звучит как оправдание. Но я не знал, что делать. Я боялся, что если останусь, то утону вместе с ней. А если уеду — то предам.

— Ты предал её, — сказала Вика тихо.

— Да.

— И ты предал меня, когда не сказал правду.

— Да.

Он не спорил. Он просто сидел и смотрел на неё, и в этом взгляде было столько боли, что у неё сжалось сердце.

— Я не знаю, что делать, — сказала она. — Я хочу тебе верить. Но каждый раз, когда я думаю, что знаю всю правду, ты находишь способ сказать что-то новое.

— Больше не будет ничего нового. Я рассказал всё.

— Ты так говорил и в прошлый раз.

Он замолчал. В парке было тихо — только ветер шелестел листьями, да где-то вдалеке лаяла собака.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он.

— Я хочу, чтобы ты перестал врать. Даже в мелочах. Даже когда тебе кажется, что это во благо.

— Я постараюсь.

— Не постарайся. Сделаешь.

Он кивнул. Медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом.

— Хорошо.

Они сидели молча. Вика смотрела на деревья, на голые ветки, которые тянулись к небу, как руки. Она думала о том, что сказала ей Ева: «Он хороший человек. Он просто запутался». И о том, что сказал Марк: «Я боялся, что ты уйдёшь». И о том, что чувствовала сама — смесь злости, обиды и странной, почти болезненной нежности.

— Я пойду с тобой к Еве, — сказала она наконец. — Сегодня.

Марк удивлённо посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Нет. Но я хочу увидеть её. Поговорить с ней.

— Она не захочет.

— Тогда я поговорю с её братом.

Он вздохнул. Провёл рукой по лицу, будто пытаясь стереть усталость.

— Хорошо. Я позвоню Виталию.

— Не надо. Я сама.

Она встала. Марк тоже поднялся, но не сделал шага к ней.

— Вика... — начал он.

— Не надо, — перебила она. — Не говори ничего. Просто будь рядом. Если сможешь.

— Я смогу.

Она кивнула и пошла к выходу из парка. Он пошёл следом, на расстоянии, не пытаясь догнать.

Весь день она провела в комнате, глядя в потолок. Алиса ушла на пары, и Вика осталась одна. Она пыталась читать, но буквы расплывались, слова не складывались в предложения. Она пыталась писать, но пальцы замирали над клавиатурой, не находя нужных слов.

В четыре часа она набрала номер, который дала ей Ева. Трубку взял Виталий.

— Слушаю, — его голос был грубым, настороженным.

— Это Вика. Мы можем встретиться?

— Зачем?

— Я хочу поговорить. О Еве. О Марке.

Пауза. Она слышала, как он дышит — тяжело, прерывисто.

— Хорошо, — сказал он наконец. — В шесть. У метро «Динамо».

— Я буду.

Она отключилась и посмотрела на телефон. Экран погас, и в тёмном стекле она увидела своё отражение — бледное, с тёмными кругами под глазами. Она выглядела так, будто постарела на десять лет за одну ночь.

В шесть она стояла у выхода из метро. Народ толкался, спешил по своим делам, но она стояла неподвижно, вглядываясь в лица. Виталий появился через пять минут — высокий, широкоплечий, в чёрной куртке, с лицом, которое не выражало ничего, кроме усталости.

— Пошли, — сказал он и повернулся, не дожидаясь ответа.

Они прошли несколько кварталов, свернули в переулок и остановились у старого дома с облупившейся штукатуркой. Виталий открыл дверь, и они поднялись на третий этаж. В квартире пахло сыростью и табаком. В прихожей было темно, только из кухни пробивался жёлтый свет.

— Ева спит, — сказал Виталий. — Не буди.

Он прошёл на кухню, сел за стол. Вика села напротив. На столе стояла пепельница, полная окурков, и чашка с остывшим чаем.

— Зачем ты пришла? — спросил он.

— Я хочу понять.

— Что понять?

— Всю историю. Не только то, что рассказал Марк.

Виталий усмехнулся. Криво, без веселья.

— Марк рассказал тебе только то, что хотел, чтобы ты знала.

— Я знаю. Поэтому я здесь.

Он посмотрел на неё. В его глазах было что-то — не злость, не презрение, а усталость. Такая глубокая, что казалась частью его лица.

— Они были вместе два года, — начал он. — Она любила его. А он... он не знал, чего хочет. То бежал спасать её, то исчезал на недели. Она пила из-за него. Она начала колотиться из-за него.

— Это не его вина.

— А чья? — Виталий повысил голос. — Она была нормальной, пока не встретила его. У неё была работа, были друзья. А потом он появился, и всё пошло прахом.

— Ты не можешь винить его во всём.

— Могу. И буду.

Он замолчал. Взял сигарету, закурил. Дым поплыл по кухне, серый, тягучий.

— Я не говорю, что он плохой человек, — сказал он тише. — Но он слабый. Он бежит, когда становится трудно.

— Он не убежал от меня.

— Пока нет.

Вика почувствовала, как внутри всё сжалось. Она хотела возразить, сказать, что Марк изменился, что он не такой, но слова застряли в горле.

— Что ты хочешь от меня? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты заставила его помочь ей. По-настоящему. Не деньгами, а временем. Он должен быть рядом, когда она ляжет в клинику.

— Я поговорю с ним.

— Поговори. Иначе я сам с ним поговорю. По-своему.

Угроза прозвучала тихо, но Вика почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Я поняла, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.